Солнце едва показалось из-за горизонта, окрашивая небо в нежные розовые и оранжевые тона, когда Астрид закончила свои утренние дела. Дым от очага, где она варила кашу, поднимался в воздух, а тишина утра нарушалась лишь тихим бульканьем котла. Ее дом, когда-то скромный, теперь был уютным, но в нем не было места радости. Лишь чувство вины, холодное и неумолимое, грызло ее душу, как личинка древесину. — Пять лет… — прошептала она, опустив взгляд на топор, лежащий рядом с ней. — Пять лет, а я все еще…Она прервала свои мысли, направляясь к выходу. Деревня Берк, расстилающаяся у подножия холма, казалась еще более безмятежной в свете восходящего солнца. Домик Хаддока, где она теперь жила, возвышался на вершине, как неприступная крепость, оглядывая весь остров. Стоик, ее жених, уже проснулся, готовый встретить новый день. — Сегодня я буду следить за ним, — подумала она, направляясь к кузнице. Гоббер, кузнец, встретил ее привычной, тихой улыбкой. Пять лет с тех пор, как он пел, пять лет с тех пор, как его сын… — Доброе утро, Гоббер, — сказала Астрид, не задерживаясь. — Мне нужны новые ремешки. Гоббер кивнул, продолжая свою работу. Он был погружен в свой труд, как и всегда, и его единственным учеником был его сын, которого он никогда не забывал. — Гоббер… — хотела было спросить Астрид, но вовремя остановилась. — Он все еще… — Да, — ответил Гоббер, словно читая ее мысли. — Все еще…Астрид кивнула и вышла из кузницы. Она поспешила к лесу, где планировала тренироваться. Ее движения были резкими и точными, как движения дракона в полете. — Надо быть готовой, — прошептала она, бросая топор в мишень. — Готовой ко всему. Она добралась до скалы, где находился ее памятник. Курган из камней, воздвигнутый в память о пропавшем мальчике, был ее тайным убежищем, ее святыней. — Он должен быть жив, — прошептала она, прижимая к груди амулет, вырезанный из дерева. — Он должен вернуться. Она добавила новый камень в курган, закрепив его кожаными шнурками. Каждый камень, каждый шнурок был связан с ее надеждой, с ее верой. — Я никогда не забуду, — шепнула она, глядя на амулеты, изображающие Мьёльнир, которые трепетали на ветру. — Я всегда буду ждать. Солнце поднималось выше, озаряя Berk своим теплым светом. Астрид, задумавшись, вспомнила о том, как она работала в доках, чтобы заработать денег на выкуп. Она знала, что ее отец, Хакни, был озадачен ее решением. Но он, как и она, верил, что мальчик вернется. — Я не буду просто ждать, — решила она, глядя на серебристый амулет, висевший на ее шее. — Я буду делать все, что в моих силах. Астрид посмотрела на курган, и ее сердце сжалось от боли. Она знала, что жизнь не может стоять на месте, что время не ждет. Но она не хотела отпускать свою надежду. — Я буду ждать, — прошептала она, отправляясь в Berk. В этот момент в далеке раздался грохот. Это был гул драконов. Набег. — Я буду ждать, — прошептала она в последний раз, перед тем, как броситься в бой. — Но я также буду бороться. Дракон удрал, оставив Стоику лишь несколько глубоких, болезненных шрамов. Набег был отбит, как и всегда, с привычным успехом. Кто-то выиграл, кто-то проиграл, но в этот раз они потеряли несколько голов скота, зато никто не погиб. Сморчок, с двумя пригоршнями пойманных ужасов, намотанных на морду, как трофеи, гордо шествовал по городу. В качестве наказания и устрашения, ужасы привязали к столбу, прямо напротив океана, сковав их цепями. Бедные создания, лишенные возможности уйти, поесть, отдохнуть, были обречены на медленную смерть, пока дети Берка, по очереди, нещадно издевались над ними. Астрид мрачно наблюдала за новыми обитателями деревянного столба. Один из них, едва живой, уже почти не сопротивлялся. В деревне кипела работа, связанная с новым ремонтом, люди кричали, ругались, требовали то молоток, то веревку. Астрид знала, что ей следует направиться в зал, все руки были нужны, чтобы привести дома в порядок, пока не начался дождь. В это время года он мог начаться в любой момент. Но взгляд Астрид был прикован к умирающему ужасу. Она знала, что он скоро умрет. Все они умирали, когда переставали бороться за спасение. Она сжала в руке амулет, и перед её внутренним взором возникло доброе, молчаливое лицо Иккинга. Она и не подозревала, насколько сильно замечала его, пока его тихое присутствие, всегда звучавшее на заднем плане, как успокаивающий гул пчелиного улья, не исчезло. Она считала его слабым, но его письма, краткий взгляд стальных глаз, его сила, тяжелые решения, принятые ради блага людей, которые, как он считал, были

равнодушны к нему, закрепили его в её сознании как образец для подражания. Любой мог махать топором, накачивать мышцы и бить людей по лицу. Но чтобы сделать то, что сделал Иккинг, требовалось нечто большее, и она восхищалась им за это. Вспомнив о нём, она взяла себя в руки и направилась к столбу страха. Группа крошечных драконов отступила, насколько позволяли цепи, и зарычала своими тонкими голосами. Лежащий дракончик попытался подняться, но тут же упал, и Астрид, оглянувшись, прикусила губу и выругалась про себя: глупый мальчишка, даже не будучи рядом, заставлял их убирать за собой. Она отцепила цепь от морды дракона, и тот, словно обретя второе дыхание, начал неистово царапаться. Но хорошая встряска быстро лишила его сил, и Астрид, чувствуя себя глупо, прижала его к себе. Быстро, стараясь выглядеть занятой, она прошла через всю деревню к дому Хаддоков, положила дрожащего дракона на стол и быстро достала из кладовой три копченые рыбины. Взяв дракона на руки, она направилась к лесу через заднюю дверь и, дождавшись, пока он окажется на достаточном расстоянии, опустила его на траву более осторожно, чем ей хотелось бы.

http://tl.rulate.ru/book/92895/3050578